

Я с некоторой долей удивления наблюдаю за тем, как Невилл бросает досадливый взгляд на свой значок и принимается собирать первокурсников. Рон корчит за его спиной идиотскую гримасу, а замечающая это Гермиона с возмущением замахивается на друга рукой, хотя видно, что возмущение это напускное. Вскоре все, за исключением старост и первокурсников, покидают Большой зал. Многие преподаватели тоже уходят, другие остаются за столом, увлекшись разговорами. Рон терпеливо дожидается Гермиону, чтобы пойти в гостиную вместе с ней. Они вдвоем возглавляют длинную вереницу гриффиндорцев-первокурсников, которые выглядят такими сонными, что едва перебирают ногами, а позади всех уныло плетется Невилл. Я провожаю их взглядом до самых дверей и еще долго продолжаю смотреть в опустевший коридор, даже тогда, когда из зала выходит последний студент и здесь становится совершенно пустынно. Вот и все, праздник закончен. Теперь можно расслабиться. Я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза, наконец отпуская с лица маску спокойного равнодушия, позволяя взять свое изнеможению и подавленности. Этим вечером хладнокровие далось мне далеко не так просто, как хотелось бы, и теперь меня снова терзают мучительные сомнения. Мне нужно с кем-то поделиться всем этим, нужно знать наверняка, правильно ли я поступаю. Вряд ли можно полагаться в этом лишь на собственный рассудок, я только что убедился, что не могу быть беспристрастным.

- Гарри, ты нормально себя чувствуешь? Может, проводить тебя до твоей комнаты?

Это профессор МакГонагалл. Я качаю головой, не открывая глаз:

- Нет, спасибо, идите без меня. Я побуду здесь еще немного.

Она ничего не говорит, но почти наверняка кивает, а затем я слышу удаляющийся стук ее каблучков. Еще некоторое время с шумом отодвигаются стулья, шуршат мантии, преподаватели желают друг другу спокойной ночи и выходят за дверь. Затем в Большом зале повисает полная тишина, и я некоторое время наслаждаюсь ей, сидя в неподвижности и постепенно отходя от волнений прошедшего вечера. Мне придется привыкнуть видеть Рона, Гермиону, Джинни и других каждый день, привыкнуть общаться с ними, не выделяя их из остальных учеников, потому что это было бы слишком странным, придется научиться не показывая своих эмоций. Мне придется заново узнать их, возможно, снова завоевать их дружбу, а для этого мне надо избавиться от этого жуткого страха, что я могу опять их потерять, потому что иначе я сделаю свою собственную жизнь невыносимой. Я должен отпустить наконец прошлое и жить настоящим, или же весь фарс, который я устроил, чтобы оградить себя от лишних проблем, потеряет всякий смысл.

Я провожу руками по лицу, откидывая волосы, и открываю глаза. Почти все свечи в зале погасли, а те, что еще продолжают тлеть, рассеивают вокруг себя мягкий, чуть дрожащий свет. Тучи на небе совсем разошлись, потолок Большого зала сияет россыпью мигающих звезд, огромная белесая луна идет на убыль, и я невольно вздыхаю с облегчением, потому что это значит, что полнолуние не наступит еще очень долго, а я ведь привык ненавидеть полнолуния еще с третьего курса, когда вдруг выяснилось, что мне есть до них дело...

- Гарри, прости меня.

Я дергаюсь и так резко поворачиваю голову, что явственно слышится хруст позвонков. Дамблдор по-прежнему сидит на своем месте, так тихо, что я совершенно не уловил его присутствия, и смотрит тревожно и участливо.

– Я не заметил вас, профессор, – говорю я, с неудовольствием отмечая, что сердце у меня заколотилось, как от испуга. Мне послышалось, или он действительно извинялся? Меня вдруг пронзает мысль, что ему обо всем известно, и я холодею.

– Мне жаль, что пришлось подвергнуть тебя этому, – я замираю, лихорадочно продумывая ответ, но директор продолжает: – Я опасался, что тебе будет непросто выдержать этот вечер, и боюсь, что так и получилось.

Ужас отпускает так же быстро, как и возник, и мне становится досадно за самого себя за мимолетную уверенность в том, что от Альбуса Дамблдора в принципе невозможно что-либо скрыть. Он ничего не знает о моем прошлом. Он говорит об ужине.

– Все хорошо, я просто не привык к такому количеству людей вокруг. Немного устал за сегодняшний день. Со мной все в порядке.

Я поднимаюсь, чтобы уйти.

– Ну конечно, – без улыбки говорит директор. – С тобой всегда все в полном порядке, верно, Гарри?

Я не понимаю, всерьез он говорит или в шутку, поэтому просто пожимаю плечами:

– Наверное. Спокойной ночи, профессор Дамблдор, – и поспешно, чтобы директор не успел окликнуть меня, выхожу из Большого зала.

Этой ночью мне впервые за долгое время снова снятся кошмары. Я просыпаюсь от собственного крика, полностью дезориентированный, еще не понимая, где я и что происходит. Я чувствую себя так, словно только что вынырнул на поверхность из толщи мутных вод, мне кажется, что меня вот-вот затянет назад, в ту страшную реальность, от которой я почти успел отвыкнуть. При этой мысли меня охватывает ужас, я вырываюсь из плотно облепившего все тело кокона одеял и бросаюсь прочь, с треском налетаю в темноте на прикроватную тумбу и растягиваюсь на полу, ударившись головой о ножку кровати. Первые несколько секунд не слышно ничего, кроме моего хриплого и прерывистого дыхания. В приоткрытое окно дует ветер, развевая занавески и охлаждая мое разгоряченное тело, полоска лунного света разрезает комнату наискосок и отражается от поверхности зеркала. Резкий оклик заставляет меня подпрыгнуть.

– Мальчик, ты совсем обезумел? – с истерическими нотками вопрошает Оберон. – Хочешь

перебудить весь замок своими воплями и крушением мебели? Что, во имя Мерлина, в тебя вселилось?

Мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя, в ушах звенит после удара, но я настолько потрясен всем произошедшим, что боль пока не чувствуется. Проходит еще некоторое время, прежде чем я понимаю, что меня всего трясет, даже зубы кладают друг о друга. Я осторожно и очень тихо, как будто это может каким-то образом компенсировать весь тот шум, что я только что произвел, приподнимаюсь на руках и сажусь на пол, привалившись к кровати. Голова тут же начинается противно гудеть.

- Плохой сон, - коротко отзываюсь я. Голос не слышится, поэтому мне приходится откашляться и повторить это отчетливее.

- Не мели ерунды, это больше похоже на запланированный погром! Знаешь, сколько лет эта тумбочка стояла вот тут, прямо рядом с кроватью, пока здесь не поселился ты и не развалил ее на куски? Безобразие! Или ты немедленно приносишь свои извинения, или я иду за Дамблдором! - решительно заявляет зеркало и замолкает. В воздухе повисает угрожающая тишина, Оберон кажется по-настоящему задетым.

- Да уж, директор непременно похвалит тебя, если ты разбудишь его посреди ночи сообщением о безвременно почившей прикроватной тумбочке, - саркастично отзываюсь я. - Беги со всех ног, жду не дождусь его реакции.

- Ах ты, дерзкий, неблагодарный маггл! - волшебное зеркало кажется готовым лопнуть от гнева. Оно издает звук, похожий на тот, с которым дядя Вернон обычно втягивал воздух в перерывах между гневными тирадами.

Я осторожно поднимаюсь на ноги, держась за столбик кровати, и двигаюсь в сторону ванной комнаты. Голова пульсирует, в глазах все плывет, и мне приходится схватиться за дверной косяк и опереться на него, выжидая, когда тошнота и головокружение отпустят. Голос Оберона долетает до меня, словно сквозь вату.

- Эй, ты... - теперь в нем проступает оттенок беспокойства, - Поттер, или как тебя там... ты что, болен?

- Со мной все нормально, - отдельно повторяю я, пытаюсь унять дрожь. - Я же сказал, что это был просто ночной кошмар, я ничем не болен. И знаешь, я буду чувствовать себя еще лучше, если ты оставишь меня наконец в покое!

С этими словами я скрываюсь в ванной комнате, хлопнув дверью. Подхожу к раковине и на полную отворачиваю кран с холодной водой. Очки остались в спальне, поэтому я прищуриваю глаза, пытаюсь разглядеть собственное расплывающееся отражение. Из зеркала на меня смотрит бледный парень с худым болезненным лицом и глубокими тенями под глазами. Он похож на кого-то из моего давнего прошлого, кого-то, кого я уже почти успел забыть, и мне приходит в голову, что эта единственная ночь кошмаров отбросила меня на несколько лет

назад. Я вздыхаю и ополаскиваю лицо прохладной водой. Через несколько минут мое состояние становится вполне сносным для того, чтобы вернуться в спальню и усесться на подоконник.

Ночь, на небе по-прежнему видно луну и звезды, но они уже кажутся слегка нечеткими в слабой предрассветной дымке. Я наблюдаю за тем, как снаружи постепенно светает, и вскоре ночные тени рассеиваются совсем, а из-за горизонта показывается красная полоска восходящего солнца. Еще очень рано, но мне страшно снова лечь в кровать, потому что тогда кошмары могут вернуться, поэтому я неторопливо натягиваю мантию и выхожу из своей комнаты.

- Тебе следует пойти в Больничное крыло, иначе и до Святого Мунго недалеко, - сонно шепчет мне вслед волшебное зеркало, но я его игнорирую.

Я знаю, что по-настоящему может мне помочь, поэтому направляюсь напрямик к выходу из школы. Коридоры совершенно пустынные, кажется, что в целом замке нет ни души. Но я прекрасно понимаю, насколько обманчиво это впечатление. Всего через несколько часов студенты покинут гостиные своих факультетов и заспешат на завтрак, а затем прозвенит звонок к первому в новом учебном году уроку, и Хогвартс окунется в привычную оживленную рутину. Остается понять, какое место здесь буду занимать я.

На улице оказывается свежо и ясно. О вчерашней буре не осталось ни единого напоминания, лишь напившаяся дождевой воды листва поблескивает в прозрачных лучах восходящего солнца. Я дышу и все никак не могу надышаться, грудь по-прежнему спирает оковами ночного кошмара, в котором снова было много, слишком много оттенков красного, а еще широко распахнутых, навеки потухших глаз. Я поклялся оставить позади свое прошлое, но не учел того, что прошлое, возможно, не пожелает оставить меня самого. Но я сумею перехитрить его. Потому что знаю способ освободиться от неподъемных забот, буквально придавливающих к земле своей тяжестью: если от них никак не сбежать, то можно просто оторваться от земли.

Я обхожу темнеющую на опушке леса хижину Хагрида по широкой дуге, не желая случайно привлечь к себе внимание великана, и вступаю под полог Запретного леса. Здесь я чувствую себя спокойно, почти уютно, поэтому полностью игнорирую предостережения Хагрида и Дамблдора относительно леса. Я собираюсь делать лишь то, что считаю нужным. Кроме того, если речь идет о прогулках на природе, то лучшего охранника, чем Силенси, трудно себе даже представить.

<http://tl.rulate.ru/book/36380/791224>